

Александр Клинке

МАННЕРГЕЙМ и БЛОКАДА

Запретная правда
о финском маршале

Главные исторические сенсации

Александр Клинге

**Маннергейм и блокада. Запретная
правда о финском маршале**

«Яуза»

2017

УДК 929(480) Маннергейм
ББК 63.3(4Фин)-8 Маннергейм

Клинге А.

Маннергейм и блокада. Запретная правда о финском маршале /
А. Клинге — «Яуза», 2017 — (Главные исторические сенсации)

ISBN 978-5-9955-0940-0

В 2016 году в Санкт-Петербурге была установлена мемориальная доска маршалу Маннергейму. Эта акция вызвала бурю возмущения не только среди петербуржцев, но и по всей России. Действительно, заслуживает ли финский военачальник почестей от победившей его страны? И почему одни упорно пытались установить эту доску, а другие столь же упорно заливали ее краской? Эта книга отвечает на самые сложные и спорные вопросы биографии Маннергейма. Был ли он патриотом России? Насколько велики заслуги маршала перед нашей страной и правда ли, что их признавал сам Сталин? Возможно ли разделить его жизнь на два периода – генерал-лейтенанта Русской армии и верного союзника фюрера, – как это делают его апологеты? Какую роль сыграл Маннергейм в трагических событиях Великой Отечественной войны и главное – Блокады? Правда ли, что именно любовь маршала к городу на Неве остановила финнов на подступах к Ленинграду? Какой была основная цель финской армии во Второй мировой войне? Почему финны не бомбили Ленинград и не обстреливали из тяжелых орудий? Наконец, несет ли Маннергейм наравне с Гитлером персональную ответственность за смерть сотен тысяч ленинградцев?

УДК 929(480) Маннергейм
ББК 63.3(4Фин)-8 Маннергейм

ISBN 978-5-9955-0940-0

© Клинге А., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

К читателю	7
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Клинге

Маннергейм и Блокада: Запретная правда о финском маршале

© Клинге А., 2017

© ООО «Яуза-пресс», 2017

© ООО «Издательство „Якорь“», 2017

К читателю

Табличка для русского генерала

16 июня 2016 года в Санкт-Петербурге появилась еще одна мемориальная доска. В отличие от множества своих малоизвестных «родственников», счет которым в Северной столице России идет на сотни, если не тысячи, она с самого начала привлекла внимание общественности. Все дело в том, кому она была посвящена. На мемориальной доске, установленной на доме 22 по Захарьевской улице, значилось имя маршала Карла Густава Эмиля Маннергейма, которого заслуженно считают одним из отцов-основателей современной Финляндии.

Правда, в данном случае он был поименован на русский манер – Густавом Карловичем, да и о Финляндии не было, как ни странно, ни единого слова. Текст на табличке лаконичен: «Генерал-лейтенант русской армии Густав Карлович Маннергейм, служил с 1887 по 1918 г.». Да на знамени за возвышенным челом маршала (простите, генерал-лейтенанта русской армии) угадывается надпись «С нами Бог».

Открытие предполагалось торжественное, с военным оркестром. Интернет-издание «Фонтанка» передает диалог, состоявшийся между музыкантами военного оркестра: *«В мучительном ожидании дирижер поправлял трубача: „Грязные перчатки – это криминал!“ – „Вот криминал“, – отвечал музыкант, указывая на доску той самой перчаткой. (...) Перед началом церемонии несколько его сокурсников сняли с формы нашивки с фамилиями».* «Стыдно» – именно таким словом, не сговариваясь, комментировали событие офицеры, служащие в Военном инженерно-техническом институте (именно ему принадлежит дом 22 по Захарьевской улице).

Более высокопоставленные особы сомнениями не мучились. Торжественно открывать мемориальную доску приехал не кто-нибудь, а министр культуры России Владимир Мединский в компании главы Администрации Президента Сергея Иванова. Однако присутствие столь значимых фигур не смутило противников мероприятия, которые явились на Захарьевскую в весьма внушительном количестве и кричали: «Позор!» Мединский попытался дать им отповедь, сославшись на товарища Сталина: «Памятная доска Маннергейму – это попытка преодолеть произошедший после Октябрьской революции трагический раскол в обществе. А тем вот, кто сейчас там кричит, я хочу сказать: не надо быть святее папы римского и не надо стараться быть большим патриотом и коммунистом, чем Иосиф Виссарионович Сталин, который лично защитил Маннергейма, обеспечил его избрание и сохранение за ним поста президента Финляндии и умел к поверженному, но достойному противнику относиться с уважением».

Было бы любопытно послушать версию господина Мединского по поводу того, как именно товарищ Сталин обеспечил избрание Маннергейма президентом 4 августа 1944 года, когда на советско-финском фронте вовсю продолжались бои. Возможно, после «Мифов о России» министр культуры готовится написать для наших северных соседей «Мифы о Финляндии». В любом случае его слова не слишком убедили собравшихся. По крайней мере, уже 19 июня первые лучи утреннего солнца озарили доску, залитую неизвестными красной краской. Видимо, это должно было символизировать пролитую маршалом кровь наших соотечественников. Доску завесили, но через некоторое время отчистили и открыли снова. Протестующие не сдались и снова покрасили Маннергейма. В конечном счете оборону возле доски заняли сотрудники частного охранного предприятия.

А дальше начался фарс. Появилось обращение в прокуратуру с просьбой проверить законность установки доски. Городские власти предпочли занять странную позицию, заявив, что официально с ними ничего не согласовывали, и открестившись от доски. Их можно понять: с одной стороны, не хотелось ссориться с Мединским, с другой – с горожанами. В последних

числах августа появилась, наконец, информация о том, что с формальной точки зрения доска была установлена незаконно и поэтому будет снята до 8 сентября.

Однако листья на деревьях желтели и опадали, а финский маршал продолжал смотреть в пространство с дома на Захарьевской улице. Тогда его противники пошли на крайние меры.

Сначала доску облили каким-то едким составом, судя по всему, кислотой, поскольку внешний вид бравого офицера оказался основательно попорчен. Потом в голове маршала появились два отверстия, напоминающих пулевые ранения (каким инструментом их сделали, достоверно выяснить не удалось). Наконец, среди бела дня доску попытались разбить молотком, приставив к ней стремянку. В итоге поздно вечером 13 октября Маннергейм вынужден был отступить, потерпев поражение – как и много лет назад, в сорок четвертом. Доску тихо демонтировали. При этой акции не присутствовали ни Мединский, ни Иванов, и военный оркестр не играл торжественные марши.

Противники памятника смогли, наконец, вздохнуть спокойно. Но надолго ли? Ведь идея увековечить память Маннергейма появилась не вчера. В советское время фигуру маршала рисовали исключительно черной краской, и нет ничего удивительного в том, что после 1991 года маятник качнулся в обратную сторону. Появились многочисленные поклонники Маннергейма, начавшие лепить из него едва ли не святого. С 2003 года в гостинице «Маршал» на Шпалерной улице работает небольшой музей, посвященный этому весьма спорному деятелю, там же стоит его бронзовый бюст. Но это были цветочки: в конце концов, на частной территории владелец вправе ставить памятник кому угодно – хоть Маннергейму, хоть Свердлову или Володарскому. Более серьезный характер носила инициатива писателя Даниила Гранина, который проникся к маршалу теплыми чувствами и всерьез считает его спасителем ленинградцев. В 2009 году он предложил открыть мемориальную доску Маннергейму. Однако у городских властей хватило ума не подхватывать инициативу, особенно в ситуации, когда многие блокадники еще живы и имеют несколько иное мнение относительно деятельности финского маршала в годы Великой Отечественной войны. Впрочем, как я уже сказал, городские власти и сейчас стараются дистанцироваться от происходящего, отказываясь комментировать события вокруг доски. «А мы что? А мы ничего».

Первая серьезная попытка установить мемориальную доску была предпринята по инициативе господина Мединского в июне 2015 года. Операция, имевшая своей целью украсить (или обезобразить, тут уж кому как нравится) Маннергеймом один из домов на Галерной улице, готовилась по всем правилам военного искусства: в обстановке строжайшей секретности. Город должен был проснуться и узнать, что действие уже свершилось. Но, как это часто бывает в России, механизм дал сбой, о планируемом мероприятии узнали, и поднявшийся шум заставил министра культуры отменить операцию. Он отступил, но, как видим, не сдался.

Не очень сведущий в истории читатель вправе задаться вопросом: а из-за чего весь сыр-бор? Кто вообще все эти люди и почему они спорят до хрипоты про какого-то Маннер... как его там? Этой книгой я хочу попытаться ответить на подобные вопросы. Я не стремлюсь написать биографию Маннергейма. Моя цель проще и сложнее одновременно: понять, заслуживает ли финский государственный и военный деятель, генерал-лейтенант русской армии мемориальной доски, велики ли заслуги Маннергейма перед нашей страной, можно ли считать его патриотом России, действительно ли советское руководство признало его заслуги, на что любит ссылаться господин Мединский. И самое главное – какую роль сыграл финский военачальник в трагических событиях Великой Отечественной войны, и в особенности блокады Ленинграда.

Для этого нам надо будет ответить, в свою очередь, на ряд простых и одновременно сложных вопросов. Начнем по порядку.

Глава 1

Слуга царю, отец солдатам?

Сторонники Маннергейма (и посвященной ему мемориальной доски) упирают на то, что он в течение нескольких десятилетий честно служил царю-батюшке и Отечеству. «Его армейский путь был ровен и честен, – писал (уже после снятия доски) Мединский в „Российской газете“. – Отличный кавалерист, требовательный командир. Добровольцем отправился на войну с Японией. В ходе Мукденского сражения сам повел драгун в бешеную атаку на японцев (под ним убили лошадь), чем, как писали в рапорте, спас от гибели 3-ю пехотную дивизию. Был произведен в полковники. Стал разведчиком. С отрядом китайских разбойников хунхузов совершил рейд по Монголии. А потом была удивительная экспедиция под грифом „Секретно“ – от Ташкента до Пекина. 3000 км верхом по Азии и Китаю под чужим именем. Рисовал карты, встречался с далай-ламой, сделал 1300 фото, описывал стратегически важные районы и гарнизоны, составлял план захвата двух северных китайских провинций в случае войны. Потом Первая мировая. Фронт. Отличился в Галицийской битве. Участвовал в прорыве, получившем имя его друга Брусилова. Помимо Георгиевского креста награжден за храбрость Георгиевским оружием. Кстати, царскими орденами гордился более всего, носил их на парадном мундире до конца жизни».

Забегая вперед, скажу: сам по себе факт честной и верной службы сомнений не вызывает. Однако вместе с Маннергеймом в русской армии служили тысячи офицеров, и далеко не каждому из них открывают мемориальную доску. Сделал ли будущий президент независимой Финляндии нечто такое, что выделяло бы его среди всех сослуживцев, высоко поднимало над самыми выдающимися из них? Или он был вполне типичным офицером царской России?

Карл Густав Эмиль Маннергейм родился в 1867 году в семейном имении неподалеку от Або (Турку) на территории Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи на правах широкой автономии. Его род принадлежал к местной элите. Когда-то Маннергеймы были шведскими дворянами, но после русско-шведской войны 1808–1809 годов, по итогам которой Финляндия и вошла в состав Российской империи, стали подданными Романовых. Они достаточно быстро смирились с этим фактом и стали сотрудничать с новой властью, что вызывало временами жесткую критику у других представителей местной аристократии. Как и сами Маннергеймы, аристократия эта была сплошь шведская – мнения простых финнов, естественно, никто в те времена не спрашивал.

Семью, в которой появился на свет будущий фельдмаршал, трудно было назвать крепкой и счастливой. Его отец, барон Карл Роберт Маннергейм, был вольнодумцем и любителем красивой жизни. На Хелене фон Юлин, дочери крупного магната, он женился не по любви, а в поисках крупного приданого. Хелена была богатой невестой, и Карлу Роберту пришлось приложить немало усилий, чтобы пустить по ветру ее состояние. Однако он блестяще справился с этой задачей и в 1880 году бросил семью, уехав в Париж с влюбленной в него придворной дамой. Его сыну Густаву было в тот момент 13 лет. Удивительно, но большого зла на отца он не держал и впоследствии установил с ним весьма дружеские отношения.

Дети в семье Маннергеймов воспитывались в спартанской обстановке. На этом особенно настаивала Хелена, которая была сторонницей так называемых «английских методов», призванных закалить душу и тело подрастающего поколения. Густаву такая жизнь была не по нраву, поэтому и к матери он относился без особой нежности. Он бунтовал против строгих порядков и демонстрировал свой скверный характер. В лицее в Гельсингфорсе (так на шведский манер называлась нынешняя финская столица) он также показал себя не с лучшей стороны, постоянно нарушая дисциплину и устраивая драки. Однажды Густав был на год исклю-

чен из лицея за то, что бил камнями оконные стекла. В учебе он также не проявлял особого рвения.

Сломленная предательством мужа и навалившимися материальными проблемами, Хелена скончалась в январе 1881 года. Опеку над ее детьми взяли на себя родственники – фон Юлины. Будущая карьера Густава к тому моменту уже смутно вырисовывалась: планировалось, что он пойдет по армейской стезе. Это, по большому счету, было стандартным решением для небогатых, но родовитых представителей российской элиты. Чтобы подготовиться к поступлению в кадетский корпус Фредриксгамна (Хамины), он должен был проучиться год в реальной школе. Ввиду указанных выше особенностей характера вместо одного года получилось два, и только в 1882 году юный Маннергейм стал кадетом. Вообще говоря, в кадеты зачислялись 12-летние мальчики, но правил без исключений не бывает (особенно для отпрысков аристократических семейств), и 15-летний Густав занял причитавшееся ему место за партой.

Обучение должно было продлиться семь лет. «Должно было» – поскольку довольно скоро Густав решил перебраться в столицу. Он полагал, что выпускнику Фредриксгамна сделать блестящую карьеру будет достаточно сложно и надо попытаться пробиться в элитный Пажеский корпус в Санкт-Петербурге. В этом его горячо поддерживали родственники по отцу, фон Шанцы, пустившие в ход свои связи в имперской столице. Родственники по матери, фон Юлины, были в ужасе, подсчитывая, во что обойдется жизнь молодого гвардейского офицера. Кроме того, они не слишком-то верили в способности молодого Маннергейма. И для этого у них имелись все основания.

За годы учебы в кадетском корпусе Густав не отметился ничем, кроме постоянных нарушений дисциплины. Он нередко коротал время в карцере, а высылаемые ему родней деньги легко и быстро проматывал. Впрочем, когда перед Маннергеймом замаячила реальная перспектива поступить в Пажеский корпус, он взялся за учебу и стал одним из первых по успеваемости. Это свидетельствует о наличии у него определенных способностей, которыми, однако, он в большинстве случаев предпочитал не блистать. Несмотря на приложенные усилия, отличной отметки по поведению Густав так и не получил, а это было непременным условием перевода в Петербург. Следующей серьезной помехой стал возраст – для поступления в Пажеский корпус элементарно прошли все мыслимые сроки. В итоге дорога в имперскую столицу закрылась, а весной 1886 года Густав был исключен и из Фредриксгамна за самоволку.

Встал вопрос о том, что делать дальше. Родственники дружно пытались устроить судьбу почти 20-летнего балбеса, предлагая ему наперебой различные варианты. Сам Густав толком не знал, чего он хочет. Попытался поступить в русский лицей в Гельсингфорсе (Хельсинки), но, как пишет его биограф Вейо Мери, «ему не удалось связаться с человеком, который мог бы устроить дело». Затем дядя Юнно фон Юлин почти сумел пристроить его в военно-морское училище, но полученный табель с оценками из кадетского корпуса поставил крест на этом проекте. В отчаянии дядя советовал Густаву стать инженером.

Однако сам Маннергейм мечтал о военной карьере в Российской армии. Чтобы подучить русский, он отправился в Харьков к другу своего дяди Юнно, Эварду Бергенгейму, владельцу керамического завода. Здесь он имел возможность наблюдать за военными учениями в Чугуевском лагере и остался весьма разочарован увиденным. Судя по всему, юноша рисовал себе весьма романтические картины военной службы, которые быстро разбились о суровую реальность. Дяде он писал, что служба в русской армии отличается однообразием, а жалованье попросту мизерное. Маятник его симпатий снова качнулся в сторону гражданского поприща.

Вернувшись в Гельсингфорс, Густав год проучился в последнем классе лицея и успешно сдал выпускные экзамены. Некоторые родственники надеялись, что он поступит в университет, но юноша опять передумал. Николаевское кавалерийское училище – так теперь называлась его мечта. Для реализации этого плана были задействованы все связи семьи. Главной «ударной силой» стала крестная мать Густава баронесса Скалон, обладавшая весьма обширными кон-

тактами в высших кругах Петербурга. Семейство Скалон будет покровительствовать Маннергейму в течение практически всей его карьеры в русской армии и, вероятно, сыграет решающую роль в том, что эта карьера окажется успешной.

Вот и сейчас усилия родственников принесли свои плоды. Начальник училища фон Бильдерлинг пообещал зарезервировать для него место. После этого успешная сдача экзаменов была уже делом техники. 16 сентября 1887 года Маннергейм принес присягу на знамени и вступил в Российскую армию, в которой прослужит три десятка лет.

Любопытно, что в своих мемуарах Маннергейм писал о сделанном выборе следующее: «Мое решение не вызывало никаких сомнений с патриотической точки зрения, поскольку отношения между Россией и автономным Великим княжеством Финляндским в те времена были хорошими». На склоне лет маршал говорит о своем патриотизме; но что он в данном случае понимал под «патрией», то есть Родиной? Явно не Россию – иначе вся эта фраза не имела смысла. Маннергейм, по сути, открытым текстом заявляет о том, что с самого начала являлся патриотом не России, а Финляндии! Этим он легко и изящно перечеркивает все потуги нынешних апологетов выставить его пламенным патриотом Российской империи. Но, к счастью для Мединского и ему подобных, мало кто читает толстые книги.

Итак, первые два десятка лет жизни будущего маршала не давали оснований заподозрить, что в дальнейшем он совершит нечто выдающееся. Перед нами – образ типичного молодого бездельника-аристократа, за которого хлопочет многочисленная родня. Я пишу это все не для того, чтобы создать у читателя негативное представление о Маннергейме. В конце концов, его поведение не было чем-то из ряда вон выдающимся в России конца XIX века. Однако важно отметить, что Густав ни в коей мере не являлся «человеком, который сделал себя сам». Его успех объясняется одним-единственным фактом – он принадлежал к дворянской элите Российской империи. Поэтому он мог бездельничать, плевать на дисциплину, совершать любые проступки. У него всегда был второй, третий, четвертый и далее шанс. Все это – благодаря связям и родственным отношениям, которые правили бал в тогдашнем российском обществе. С самого рождения одним было предназначено добывать свой хлеб тяжелым трудом, даже не мечтая о том, чтобы когда-нибудь намазать на него кусок масла; другим же по умолчанию доставались «лакеи, юнкера, вальсы Шуберта и хруст французской булки».

«Он твердо усвоил принцип, что в России есть только один способ сделать карьеру – с помощью связей» – так пишет о Маннергейме один из его российских апологетов Леонид Власов. Это не совсем соответствует истине; императорская Россия все-таки знала немало случаев, когда человек сравнительно простого происхождения делал карьеру благодаря своим способностям, трудолюбию и упорству. Один из примеров – знаменитый флотоводец, вице-адмирал Степан Осипович Макаров, сын выслужившегося из нижних чинов штабс-капитана и унтер-офицерской дочери. Так что фразу касательно Маннергейма следовало бы слегка отредактировать: «Он твердо усвоил принцип, что для него в России есть только один способ сделать карьеру – с помощью связей». Именно на связи Густав делал ставку в течение всей своей беспорочной службы в Российской армии.

Но вернемся в Николаевское кавалерийское училище – элитное учебное заведение, откуда лежал прямой путь в гвардейскую кавалерию. Здесь царили прекрасные, благородные нравы: только что поступивших называли «зверьми», и старшие юнкера (корнеты) могли глумиться над ними сколько душе угодно, использовать в качестве личных денщиков и заставлять выполнять любые поручения. Корнет, например, мог разбудить своего личного «зверя» среди ночи и заставить его нести себя в туалет. «Зверям» запрещалось ходить по тем же лестницам, по которым ходили «господа корнеты». Одним словом, неуставные отношения процветали здесь во всей красе, и начальство ничего не могло (или, скорее, не хотело) с этим поделать. Любители царской России обычно предпочитают не упоминать о подобного рода дедовщине, тем не менее она была реальностью.

Юноши из благородных семей были не чужды и земных удовольствий. Когда венерические заболевания приняли в училище массовый характер, генерал Бильдерлинг был вынужден предписать своим питомцам посещение конкретного публичного дома, в качестве персонала которого был уверен.

В этой прекрасной среде Маннергейм провел два года. Он быстро научился презрительно относиться к штатским, даже своим родственникам, не забывая при этом исправно брать у них деньги. Незадолго до выпуска, летом 1889 года, он умудрился чуть не испортить себе карьеру, во время увольнения устроив в пьяном виде скандал в вагоне поезда, а затем нагрубив дежурному офицеру. Спасли, как и следовало предположить, связи. Тем не менее без последствий происшествие не осталось. Маннергейм сдвинулся на несколько строчек вниз в рейтинге выпускников и лишился уже маячившего впереди места в гвардейской кавалерии.

В октябре Маннергейм, ставший корнетом, отправился в 15-й драгунский полк в польский городок Калиш (Польша в то время также входила в состав Российской империи). Несмотря на то что служебные обязанности отнимали у него от силы три часа в день, молодой офицер был недоволен. Пребывание в маленьком провинциальном городке его тяготило. В письмах родным он жаловался: «Офицеры здесь постоянно ругаются, доносят друг на друга. Командир полка – полное ничтожество, подчиненные его игнорируют. Возможности общения равны нулю. Офицерские жены низкого происхождения, необразованные, с плохой репутацией». Готовность служить стране на любом посту и в любых условиях – это явно не про Маннергейма. Он хотел служить с блеском и комфортом. Стоит отметить, что командир полка относился к молодому корнету хорошо и давал ему прекрасные характеристики. Естественно, это не удерживало Маннергейма от того, чтобы платить ему черной неблагодарностью.

Чтобы вырваться из Калиша, юному аристократу вновь пришлось задействовать свои связи. Семейство Скалон развернуло в Петербурге бурную деятельность. Крестная мать Густава побеседовала с самой императрицей, которая была шефом полка кавалергардов – «придворной» гвардейской кавалерии, в которой обычно служили сливки российской элиты. Императрица дала свое согласие на перевод молодого шведского аристократа. В декабре 1890 года Маннергейм с триумфом вернулся в имперскую столицу.

Родственники общими усилиями собрали 3500 рублей – огромную по тем временам сумму, – чтобы экипировать молодого офицера. Служба в гвардейской кавалерии требовала денег, причем денег немалых. Скромное жалованье покрывало лишь малую часть необходимых расходов, что автоматически исключало из числа кавалергардских офицеров людей без достаточных материальных возможностей. Несмотря на постоянную помощь родственников, Маннергейм быстро влез в долги. Он не умел и не любил экономить деньги, просаживая большие суммы за карточным столом. Для гвардейских офицеров военная служба была синонимом активной светской жизни, и Маннергейм здесь не был исключением. Однако его финансы не выдерживали подобного образа жизни.

Из этой ситуации был только один выход: выгодная женитьба. Вскоре после своего приезда в Петербург Густав познакомился с Анастасией Араповой, богатой сиротой, жившей в доме своих родственников. Относительно их знакомства существует много версий, одна из которых свидетельствует, что дело снова не обошлось без баронессы Скалон. Анастасия, девушка статная, но не очень красивая, влюбилась в высокого юношу с аристократическими манерами. Сам Густав, судя по всему, никаких глубоких чувств не испытывал, но приданое, составлявшее без малого миллион рублей, заставило его сделать выбор. Свадьба состоялась 2 мая 1892 года в присутствии примерно сотни гостей. Маннергейм смог быстро рассчитаться с долгами и начать с удовольствием проматывать приданое своей жены. Собственно, так же в свое время поступил его отец, женившийся не на девушке, а на ее капитале.

В том же 1892 году Маннергейм попытался поступить в Академию Генерального штаба. Это учебное заведение было предназначено для того, чтобы готовить интеллектуальную элиту

Российской армии. Связи в данном случае значили не так много, и Карл Густав, лишившись привычной поддержки, успешно провалился на первом же экзамене. Впрочем, он не слишком сожалел об этом. Блестящая кавалергардская жизнь затянула его, а для балов и светских развлечений серьезная учеба могла быть только помехой. Судя по всему, попытка поступить в Академию была продиктована исключительно честолюбием – стремлением доказать себе и окружающим, что молодой офицер еще и умен. По этой же причине сегодня многие выпускники российских вузов, отнюдь не грезящие о научной карьере, поступают в аспирантуру, а отдельные чиновники (не будем показывать пальцем) защищают липовые докторские диссертации по истории.

Но вернемся к Маннергейму. Кавалергарды, как уже говорилось выше, были во многом «парадным» полком. Способность выполнять представительские функции находилась для них на первом месте. Карл Густав добросовестно выполнял свои служебные обязанности, оттачивая манеры, навыки светского общения, искусство наездника. Он часто ходил на балы и придворные празднества, крутил романы. Он участвовал в соревнованиях кавалеристов и нередко брал призы. Вместе с однополчанами принимал участие в коронационных торжествах по случаю восшествия на престол Николая II. В отпуск ездил с семьей в Западную Европу, в основном на французские курорты. Получал награды – например, в 1895 году Кавалерийский крест австрийского ордена Франца-Иосифа. Такие награды – не боевые, а чисто церемониальные – украшали грудь многих офицеров, служивших при дворах европейских монархов. В этом, собственно, и заключалась в основном его служба.

Да, когда мы слышим про три десятка лет военной карьеры, нам обычно представляется нечто иное, нежели «балы, красавицы, лакеи, юнкера, вальсы Шуберта и хруст французской булки». И вряд ли победа на скачках и статная выправка являются основанием для установки мемориальной доски. Хотя, конечно, не стоит думать, что служба Маннергейма была лишена всяких тягот. Вот, например, что пишет Леонид Власов об одном из эпизодов придворной службы:

«Маннергейм вернулся в свой полк и сразу был назначен в „тяжелый“ дворцовый караул, где кавалергарды находились сутки, а потом три дня „приходили в себя“. Причиной этого были – необходимый атрибут дворцовой формы, лосины. Их немного смачивали, посыпали внутри мыльным порошком, и затем два дюжих солдата „втряхивали“ в лосины голого офицера. Лосины великолепно облегали ноги, но когда они высыхали, начинались адские мучения, проблемы с туалетом. Все это продолжалось 24 часа».

Стоять на карауле во дворце в обтягивающих лосинах – это вам не с гранатой под немецкий танк, это на целый памятник тянет, не то что на мемориальную доску.

В 1897 году Маннергейм стал служить в Придворной конюшенной части, при этом место в Кавалергардском полку за ним сохранилось. Молодой офицер действительно прекрасно разбирался в лошадях и любил их. В его обязанности входила, в частности, покупка лошадей для императорских конюшен по всей Европе. Параллельно он занимался и своим небольшим конным бизнесом, покупая лошадей в западноевропейских странах и продавая их в России. Такие «побочные заработки» офицеров были в принципе нормой. При известной доле воображения можно провести параллель с бизнесменами, занимавшимися перегоном подержанных иномарок в Россию сто лет спустя. Впрочем, о своих основных обязанностях молодой офицер не забывал, и у начальства не было к нему претензий. Возникал ли при этом конфликт интересов между служебными обязанностями и бизнесом и как Маннергейм для себя решал этот конфликт, доподлинно неизвестно.

Известно, однако, что деньги от купли-продажи лошадей стали для него серьезным спорным делом. Дело в том, что и его семейная жизнь, и материальное положение к концу века не просто дали течь, а пошли ко дну. Молодой кавалергард вовсе не считал кольцо на пальце помехой для романов. В 1895 году началась его длительная связь с графиней Елизаветой (Бетси)

Шуваловой, что, в свою очередь, никак не исключало мимолетных интрижек с другими светскими дамами. Разумеется, его жена не испытывала большой радости, наблюдая неверность мужа. Она родила ему двух дочерей, однако единственный сын оказался мертворожденным, что привело к сильному отчуждению супругов. Маннергейм, как и многие отцы, хотел бы иметь наследника мужского пола. К 1900 году Густав и Анастасия жили уже как чужие друг другу люди.

Приданое жены исчезало быстрыми темпами. Попытки Маннергейма организовать конный завод или рыбное хозяйство окончились неудачей и только ускорили этот процесс. В 1901 году жена, не сказав ему ни слова, отправилась сестрой милосердия на Дальний Восток, где русские войска участвовали в подавлении так называемого «боксерского восстания» в Китае. Вернувшись, она забрала обеих дочерей и уехала в Париж, чтобы никогда больше не вернуться в Россию. Фактически Маннергейм повторил судьбу своего отца – с той единственной разницей, что тот сбежал от жены, а Густав сам довел жену до того, что она предпочла от него сбежать. Действительно, ее приданое уже было растрчено, и теперь от нее не было никакой пользы.

В марте 1902 года Маннергейм попросил начальника офицерской кавалерийской школы генерала Алексея Алексеевича Брусилова взять его в свое учебное заведение. Незадолго до этого он получил травму при падении с лошади, и в Придворной конюшенной части ему все больше приходилось заниматься тяготившей его канцелярской работой. Брусилов согласился. Маннергейм с головой окунулся в новую работу, возможно, надеясь сбежать от проблем. Однако это не удалось: долги росли, будущий фельдмаршал все глубже погружался в депрессию. Графиня Шувалова, муж которой скончался, предложила ему вступить в гражданский брак. Это решило бы его материальные проблемы, но поставило бы крест на карьере, поэтому Маннергейм предпочел отказаться. Порой складывается впечатление, что к каким-либо сильным чувствам этот человек не был способен в принципе и единственным, в кого он был искренне и безоглядно влюблен, был он сам.

В конечном счете желанным выходом для молодого офицера стала русско-японская война. Маннергейм отправился на фронт далеко не сразу. Желание послужить Отечеству не только на придворном паркете и кавалерийском манеже охватило его только осенью 1904 года, спустя полгода после начала боевых действий. Как писал сам будущий маршал в своих мемуарах, *«генерал Брусилов не одобрил мой поступок. Он считал совершенно бесполезным участие в такой незначительной войне и уговаривал меня отозвать прошение. Ведь скоро, считал Брусилов, начнется реальное противоборство, которое, возможно, перерастет в мировую войну – именно поэтому мне следовало поберечь себя. Однако я не сдался, поскольку прочно решил попробовать свои силы в настоящей войне»*.

Получив от Брусилова разрешение отправиться на фронт, Маннергейм стал собираться в дорогу. Он закупил все необходимое для комфортной жизни. Поклажи было столько, что друзья два дня помогали ему упаковывать вещи. Помимо трех больших чемоданов набралось еще около 90 килограммов прочего багажа. Война, с точки зрения ротмистра Маннергейма, вовсе не предполагала отказ от комфортной жизни.

Во Владивостоке свежеиспеченный офицер 52-го драгунского полка оказался только 31 октября. Он не особенно спешил на фронт, уделив целых два дня свиданию с графиней Шуваловой. Только 9 ноября Маннергейм добрался до Мукдена, откуда уже было рукой подать до расположения его части. Правда, 52-й драгунский полк в тот момент не принимал участия в боевых действиях, так что фатальных последствий его задержка не имела.

К чести Маннергейма нужно сказать, что сидение в резерве его не устраивало, и он при первой возможности отправился на передовую. *«В период с 25 декабря по 8 января, – писал маршал в конце жизни в своих мемуарах, – я в качестве командира двух отдельных эскадронов принимал участие в кавалерийской операции, которую проводил генерал Мищенко силами*

77 эскадронов. Целью операции было прорваться на побережье, захватить японский порт Инкоу с кораблями и, взорвав мост, оборвать железнодорожную связь между Порт-Артуром и Мукденом. Мы, участники этого сражения, еще не знали, что Порт-Артур уже находится в руках японцев, а армия генерала Ноги устремилась на север в сторону расположения войск генерала Куропаткина». Операция закончилась провалом, попытка взять Инкоу разбилась о японскую оборону. Эскадроны Маннергейма в непосредственной атаке на город не участвовали, поэтому отличиться в этой операции он не смог.

В первые месяцы 1905 года Маннергейм участвовал в основном в разведывательных кавалерийских рейдах. Данные источников о его действиях в этот период значительно расходятся, тем не менее очевидно, что почти сорокалетний офицер окунулся в стихию войны и проявил личное мужество. Иногда очевидцам казалось, что он ищет смерти. Во время одной из стычек с японской кавалерией под ним был убит его любимый конь Талисман. Ему пришлось пережить и паническое отступление из Мукдена, и болезни, на некоторое время приковавшие его к койке в лазарете. В конце войны он находился на крайнем правом фланге и командовал набранной из местных кочевников кавалерийской частью, совершившей разведывательный рейд в глубь монгольской территории. Весной 1905 года Маннергейм был представлен к званию полковника.

Война вскоре закончилась, причем далеко не самым благоприятным для России образом. Маленькая Япония, которую до этого в Петербурге считали варварской страной, одержала бесспорную победу. Маннергейм вернулся в Петербург, сожалея, что не отправился на войну раньше – она завершилась слишком быстро, и полковничий чин может заставить себя ждать. Он был недоволен, считая, что его заслуги не оценены по достоинству. Положа руку на сердце, заслуги эти были не столь и велики – всего несколько недель участия в реальных боевых действиях, причем в основном на сугубо периферийном театре. Объективно говоря, большой пользы Российской империи Маннергейм на Дальнем Востоке не принес.

В России бушевала революция. Затронула она и Финляндию. Старшего брата Маннергейма Карла выслали за границу за участие в антиправительственной деятельности. Густав и помыслить не мог о подобном. В этот период он вообще довольно презрительно отзывался о финнах и всем финском, называя их «чухонцами», а их язык – «языком чуди». Ничто не свидетельствовало о грядущем пробуждении в нем финского патриотизма. Финны, впрочем, платили ему взаимностью – подпольная газета сепаратистов опубликовала список сотрудничавших с царским режимом, в котором имя Густава Маннергейма красовалось на почетном месте. Это мало волновало подполковника – пока режим крепко сидел в седле, он хранил лояльность династии.

«Но Маннергейм же писал в мемуарах о своем финском патриотизме?!» – воскликнет внимательный читатель. Да, писал. В конце жизни. Мемуары – это не исповедь, они всегда пишутся с определенной целью, и часто их автор предпочитает что-то забыть, что-то придумать, а иногда и вовсе «переписать начисто» целые периоды своей жизни. В момент написания своих воспоминаний Маннергейму было выгодно представить дело так, словно он всю жизнь был горячим финским парнем. Это было неправдой, но это, в свою очередь, не означает, что он был горячим патриотом России.

В январе 1906 года Маннергейм все-таки стал полковником. Однако его личные и материальные проблемы так и не были решены, поэтому спустя пару месяцев он согласился отправиться по заданию Генерального штаба в экспедицию в Центральную Азию. Экспедиция, целью которой была разведка этого стратегически важного региона, продлилась два года. Для конспирации Маннергейм должен был двигаться вместе с французскими исследователями, однако достаточно быстро поссорился с ними. Нехитрая маскировка не удалась – все китайские чиновники на его пути прекрасно знали о том, кто перед ними на самом деле, и действовали соот-

ветственно. Тем не менее Маннергейму удалось собрать множество ценной информации – и с военной, и с научной точки зрения.

Эту экспедицию поклонники маршала достаточно часто преподносят в качестве едва ли не подвига с его стороны. Да, путешествие по западным и северным районам Китая не было комфортной туристической поездкой. Тем не менее сравнивать его с экспедицией Амундсена (да хотя бы того же Колчака) не приходится. Маннергейм двигался в основном по населенным (пусть и не очень плотно) районам, где были дороги и населенные пункты, где у него были местные проводники. По дороге он мог заниматься охотой в свое удовольствие. Подобные маршруты прокладывали для себя в начале XX века поклонники экстремального туризма того времени.

После возвращения из экспедиции Маннергейм был назначен командиром 13-го Владимирского уланского полка, дислоцированного в Царстве Польском. Как он отнесся к своему назначению? Сложно удержаться от соблазна и не процитировать проникновенные строки из мемуаров Маннергейма, в которых он описывал свое отношение к полякам:

«Как финн и убежденный противник политики русификации, я думал, что понимаю чувства поляков и их точку зрения на те вопросы, которые можно было считать взрывоопасными. Несмотря на это, поляки относились ко мне с предубеждением. Отрицательное отношение поляков к русским было почти таким же, как и наше».

Я специально подчеркнул те места, которые, как сказал бы Маннергейм, можно считать взрывоопасными. В начале XX века в Европе все выше поднимали голову национальные движения. И в Финляндии, и в Польше, которые входили в состав Российской империи, ширились ряды сторонников независимости. К ним можно относиться как угодно, но с точки зрения Петербурга это были мятежники, сепаратисты, которые покушались на территориальную целостность страны. Маннергейм на голубом глазу объявляет, что понимал и симпатизировал им, более того, сам испытывал совершенно такие же чувства. В небольшом абзаце он дважды подчеркивает свою принадлежность к финской нации – в противовес «русским». И говорит о том, что его («наше») негативное отношение к русским было, пожалуй, даже сильнее, чем у поляков!

Да, маршал на склоне лет серьезно усложнил задачу российскому министру культуры.

Конечно же, здесь снова встает все тот же важный вопрос: а насколько можно в данном вопросе доверять мемуарам Маннергейма? Возможно, на склоне лет он пытался представить себя большим финским патриотом, чем являлся на самом деле? Безусловно, так оно и есть. Как уже говорилось выше, к простым финнам в «имперский» период своей жизни Маннергейм относился с презрением, говорить на финском языке умел очень плохо. Однако это не означает, что у него была какая-либо симпатия к русским. Возможно, у него уже в ту пору закрадывалась мысль о том, что лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме, то есть представителем узкого круга правящей элиты небольшого самостоятельного государства. Однако пока что судьба не предоставляла ему такого выбора, а бунтовать против действующей власти Маннергеймы не привыкли.

В Польше Густав провел несколько лет. Снова, как и в Петербурге, значительную часть его времени и сил поглощала светская жизнь. Варшава по своему значению, конечно, уступала имперской столице, но это все же был не провинциальный Калиш, откуда Маннергейм всеми правдами и неправдами постарался вырваться в начале своей карьеры. Он стал весьма популярен в светских салонах Варшавы, обзавелся тесными связями с ведущими аристократическими семьями, крутил романы. Одним словом, вел привычную ему жизнь. Неизвестно, как сложилась бы дальше его биография, если бы не начавшиеся вскоре масштабные потрясения.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Маннергейм, встретивший ее в должности командира гвардейской кавалерийской бригады, вскоре получил дивизию. В этот момент он был уже генерал-майором. Практически с самого начала его бригада участвовала в бое-

вых действиях. Кавалеристам Маннергейма повезло: им достался более слабый противник – австрийцы. В то время как в Восточной Пруссии немцы безжалостно перемололи значительно превосходящие силы 1-й и 2-й русских армий, австро-венгерское командование не смогло добиться на своем участке фронта решающих успехов, а осенью и вовсе вынуждено было начать отступление.

Маннергейм действовал в ходе этих боев храбро, решительно, но на верную смерть предпочитал отправлять других. В сентябре в одном из боев он бросил в атаку эскадрон, в котором оставалось всего лишь 14 человек. Когда командир эскадрона ротмистр Бибиков доложил об этом Маннергейму, тот немедленно обвинил его в трусости. Ротмистр тут же ринулся в атаку во главе горстки людей и пал смертью храбрых, не причинив противнику никакого ущерба. На похоронах Маннергейм причитал, говоря, что лучше бы он сам погиб вместо Бибикова (что помешало ему с самого начала поступить таким образом, оставалось при этом неизвестным). Слухи о том, что в игре были не только военные соображения, поползли сразу же. Бибиков был красавцем, любимцем светской Варшавы, и многие в польских аристократических кругах обвинили Маннергейма в намеренном устранении конкурента на любовном поприще. Как пишет в своей биографии маршала финский исследователь Вейо Мери, *«в светских кругах говорили, что он посылает своих людей на смерть. Речь, естественно, шла не о простых солдатах – их судьба светское общество не трогала. Возмущение вызвал инцидент с Бибиковым, человеком их круга. В этом кругу он был соперником Маннергейма. Не повлияло ли это последнее обстоятельство на действия Маннергейма? Возможно, его неразумные требования и презрительные слова были и впрямь вызваны неосознанным, издавна тлеющим соперничеством. Оба – любимцы светского общества, но Бибиков моложе и, вероятно, с более открытым, приветливым и веселым характером, то есть он обладал качествами, которые отсутствовали у Маннергейма. Судя по фотографии, Бибиков был хорошо сложен, хотя и коренаст, с черными выюющимися волосами и волооким взглядом больших глаз на красивом лице. Конкуренция между двумя любимцами – средних лет и молодым – была просто неизбежна».*

Маневренные бои быстро закончились, война перешла в позиционную стадию, оставлявшую не так много места подвигу. Надежды на то, что кампания завершится быстро, таяли с приходом зимы. Месяц проходил за месяцем, а гигантская мясорубка продолжалась. Маннергейму такой расклад нравился все меньше и меньше.

«Июньские бои наглядно продемонстрировали, насколько развалившейся была армия: за все это время у меня в подчинении перебивало поочередно одиннадцать батальонов, причем боеспособность их раз от разу снижалась, и большая часть солдат не имела винтовок. Мне передавали в подчинение и артиллерийские батареи, но всегда с напоминанием, чтобы я не вводил их в действие одновременно. Снаряды надо было беречь!» Читатель, выросший на современных исторических мифах, может подумать, что речь идет о сорок первом и печально знаменитой «одной винтовке на троих». В крайнем случае разговор об июне семнадцатого года, когда страна была уже охвачена революцией. Поспешу разочаровать – речь идет о лете 1915 года, когда самодержец всероссийский еще прочно сидел на своем троне и армия, казалось бы, не должна была испытывать серьезных проблем. На самом деле, все было ровно наоборот – ситуация «одна винтовка на троих» была характерна именно для Российской армии времен Первой мировой войны.

Об участии Маннергейма в этой войне написано достаточно много. Леонид Власов посвятил этим годам едва ли не большую часть своей биографии маршала. Однако, положив руку на сердце, нужно отметить: фронтовые подвиги своего героя ему приходилось едва ли не высасывать из пальца. В этом не было вины Маннергейма, такова была объективная реальность. Дело в том, что, командуя кавалерийскими частями, он имел не так много шансов проявить себя. Кавалерия в Первой мировой была не более чем рудиментом, пережитком прошлого – на полях боев царили пехота и артиллерия, новый «бог войны». Многокилометровые траншеи,

ряды проволочных заграждений, убийственный ливень артиллерийских снарядов, сметающий с поверхности земли все живое и оставлявший «лунный пейзаж» – лихому рубке на боевом коне просто не было места на этой картине. Кавалерийские части все чаще вынуждены были действовать в пешем строю, что делало их применение в значительной части бессмысленным.

Это ни в коем случае не значит, что будущий маршал отсиживался в тылу. Маннергейм принимал участие в операциях, в том числе и удачных, но ничем особенно не выделялся среди своих сослуживцев. На его долю не выпало громких побед – удачные бои тактического значения, не более того. Ничего из ряда вон выдающегося он совершить не смог, хотя и получил свою долю почестей и наград.

Собственно, это и есть ответ на вопрос, поставленный в начале главы. Карьера Маннергейма перед Первой мировой войной была типичной карьерой гвардейского офицера, в которой имелось несколько ярких, но далеко не экстраординарных эпизодов. Такие офицеры в царской России насчитывались тысячами, и у многих из них было не меньше заслуг, чем у Маннергейма. Зачем из их рядов выделять именно его одного? Может быть, дальнейшая биография маршала способна пролить свет на этот вопрос?

Что ж, вернемся к событиям Первой мировой. Новый, 1917 год Маннергейм встретил на самом южном участке фронта, в Румынии. Впереди были большие потрясения...

Глава 2

Патриот... какой страны?

Маннергейм был патриотом России. Так, по крайней мере, говорят все те, у кого руки чешутся установить ему памятник. И сразу встает неудобный вопрос: а кто может считаться патриотом?

Вот, например, генерал Алексей Алексеевич Брусилов. Пожалуй, самый известный не только в нашей стране, но и в мире русский офицер времен Первой мировой войны, автор знаменитого прорыва. О проведенном под его командованием летом 1916 года наступлении Юго-Западного фронта отечественные учебники и энциклопедии пишут только в превосходной степени: новое слово в военном искусстве, полный разгром противника, перехват стратегической инициативы, спасение французов, истекавших кровью под Верденом. Известное преувеличение во всем этом есть, но немцы и австрийцы до сих пор вспоминают «Луцкое наступление» русских (так у них называют «Брусиловский прорыв») как черные дни своей военной истории.

Что делал генерал Брусилов, когда в России началась революция? Продолжал служить ей так, как считал нужным. Занял пост Верховного главнокомандующего, но пробыл на нем недолго и был отправлен в отставку бурным летом 1917 года. Однако его служба Родине на этом не кончилась. В 1920 году Брусилов добровольно вступил в Красную армию и возглавил Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами Советской республики, занимавшееся, по сути, подготовкой военной реформы. На разных должностях служил до самой своей смерти в 1926 году. При этом он негативно относился к большевикам, как свидетельствует из записей, ставших известными уже после его смерти. И тем не менее в решающий момент Брусилов предпочел быть на стороне России, пусть и «красной».

Его пример был отнюдь не единичным. Вот, например, генерал от инфантерии Андрей Медардович Зайончковский. Считался одним из самых выдающихся русских военных теоретиков, написал широко известный учебник по тактике. Однако кабинетным генералом Зайончковский не был: в русско-японскую войну командовал сначала полком, а затем дивизией, награжден Золотым оружием «За храбрость». С 1914 по 1917 год непрерывно командовал фронтовыми соединениями – сначала дивизией, затем различными корпусами. Заслуг перед страной у Зайончковского было на порядок больше, чем у Маннергейма. Отправленный в отставку Временным правительством, он уже в 1918 году попросился на службу в Красную армию. С лета 1919-го по весну 1920 года был начальником штаба 13-й армии, которая вела тяжелые бои на Юге России. После Гражданской войны преподавал в Военной академии, написал историю Первой мировой войны, сохранившую свою актуальность до сих пор.

Возможно, кое-кто из читателей, симпатизирующих «белым», воскликнет: «Не могут быть патриотами России люди, которые пошли на службу к большевикам! Я не буду спорить с ними и охотно рассмотрю другие кандидатуры. Вот, например, Антон Иванович Деникин. Тоже фронтовой офицер, отличившийся в Первой мировой войне. Революцию он не принял и уже в конце 1917 года организовывал сопротивление молодой советской власти. В 1918 году возглавил Добровольческую армию, которая стала главной ударной силой „белых“. В 1919 году стал командующим Вооруженными силами Юга России. Осенью того же года подошел к Туле и, казалось, находился на расстоянии вытянутой руки от Москвы. Не идя ни на какие компромиссы, требовал сохранения единой и неделимой России (хотя объективно, конечно, его действия никак этому не способствовали). Отправившись в эмиграцию после серии военных поражений в 1920 году, продолжал пристально следить за происходившими в России событиями, надеясь, что придет удобный момент для свержения большевиков. Однако после нападения Гитлера на СССР однозначно и решительно поддержал Советскую державу. Позиция „вместе

с Гитлером против Сталина“, которой придерживались некоторые белоэмигранты, была для него неприемлема. Он категорически отказывался сотрудничать с нацистами, несмотря на их неоднократные предложения, и призывал других эмигрантов следовать своему примеру. Деникина можно упрекать во многом, но не в отсутствии патриотизма.»

Здесь, конечно, можно возразить, что Деникин, в отличие от Маннергейма, был исконно русским человеком без привязки к какой-либо национальной окраине. Что ж, возьмем Петра Николаевича Врангеля, происходившего из не вполне русского семейства. Ветвистое родословное древо Врангелей уходило своими корнями в Швецию; можно сказать, что в начале XX века у «черного барона» были родственники на всех берегах Балтики. Тем не менее Петр Николаевич после Октябрьской революции не побежал ни в Швецию, ни в Германию. Как известно, он сражался в буквальном смысле до последнего – находившийся под его контролем Крым в 1920 году оставался единственным плацдармом «белых». Когда и этот плацдарм был ликвидирован, Врангель отправился в эмиграцию и создал там Русский общевоинский союз (РОВС), задачей которого было сохранить потенциал Белого движения. До самой своей смерти он продолжал сохранять тесную эмоциональную связь с Россией, стремился действовать на благо своей Родины – так, как он лично понимал это самое благо. А мог бы спокойно коротать дни у родственников в благополучной Швеции.

Действия Зайончковского, Брусилова, Деникина и Врангеля были типичными для большинства царских генералов. Они сражались за Россию – так, как считали нужным и правильным, на стороне «красных» или «белых». В борьбе за свою страну они не страшились никаких опасностей, готовы были отдать жизнь. Что же делал в это время Маннергейм, горячий патриот России, как утверждают его поклонники?

А Маннергейм, говоря простым языком, уносил ноги из любимой России. Сражаться за ее будущее он не испытывал ни малейшего желания.

Февральскую революцию генерал-майор воспринял негативно. Можно видеть в этом доказательство его любви к царю-батюшке, можно предполагать, что он просто опасался крушения того старого мира, в котором ему было так комфортно жить. Правды, скорее всего, уже не узнает никто.

А началось все с того, что в январе 1917 года Маннергейм отправился в отпуск в Финляндию. По пути он заехал в Царское Село, чтобы пообщаться с императорской четой. Офицер, большую часть своей карьеры прослуживший при дворе, никогда не упускал случая напомнить о себе в высших эшелонах власти. Однако его рассказы о румынском фронте не произвели должного эффекта. Складывалось ощущение, что монарху и его супруге сейчас не до него. Маннергейм уехал из Царского Села разочарованным. Это была его последняя встреча с Николаем II.

Проведя две недели в Финляндии с родными, Маннергейм отправился обратно на фронт через Петроград. Так он, неожиданно для самого себя, оказался в самой гуще революционных событий и даже подвергался опасности быть арестованным. В своих мемуарах он писал об этих днях:

«Перед гостиницей собралось множество народа. По улице двигалась шумная процессия, на рукавах у манифестантов были красные повязки, в руках – красные флаги. Судя по всему, эти люди пребывали в революционном опьянении и были готовы напасть на любого противника. У дверей гостиницы толпились вооруженные гражданские лица, среди них было и несколько солдат. Неожиданно один из них заметил, что я стою около окна, и принялся с воодушевлением размахивать руками, показывая на меня, – ведь я был в военной форме. Через несколько секунд в дверь заглянул старый почтенный портье. Он задыхался, поскольку только что взбежал по лестнице на четвертый этаж. Совершенно потрясенный, старик, запинаясь, рассказал, что началась революция: восставшие идут арестовывать офицеров и очень интересуются номером моей комнаты. Надо было спешить. Форма и сапоги были уже

на мне, я набросил на плечи зимнюю шинель, лишенную знаков отличия, сорвал шпоры и надел папаху, которую носили и гражданские, и военные. Чтобы не повстречаться с восставшими на главной лестнице или в вестибюле, я решил пройти через черный ход, а по дороге предупредил своего адъютанта и пообещал по возможности позвонить ему в течение дня».

Еще пару дней до отъезда из Петрограда Маннергейм успешно изображал из себя финского коммерсанта, переодевшись в более или менее подходящую одежду. Погибать героической смертью он не имел никакого желания (в чем мы, конечно, не вправе его упрекать). Наконец он смог отбыть через Москву на фронт.

Маннергейм не принял революции и пытался вести разговоры о «восстановлении порядка» с другими представителями российского генералитета. Присягу Временному правительству он так и не принес. О причинах этого решения историки спорят по сегодняшний день. Как считает Вейо Мери, *«Маннергейм не умел мыслить такими категориями. Современные идеи его нисколько не трогали, он не имел о них ни малейшего представления и не желал в них вникать. Он цеплялся за старое, за вчерашний день, считая, что его долг оставаться верным присяге, принесенной им царю. (...) Он оказался опаленным революцией. Это было для него тяжелой травмой, заставившей его еще враждебнее относиться и к революции, и к возникшему в результате ее государству, с которым он так никогда и не сумел примириться»*. И все же думается, что дело в верности не столько царю, сколько старой системе, в которой положение Маннергейма было прочным, гарантированным жесткой сословной системой, в которой одним с детства был предназначен хруст французской булки, а другим, подавляющему большинству, – хлеб из лебеды с крапивой. Именно этот мир рушился сейчас на его глазах. И это, естественно, внушало отпрыску аристократического семейства страх и неуверенность.

Тем не менее на первых порах дела шли неплохо. В марте 1917 года Маннергейм получил звание генерал-лейтенанта. В конце мая он был назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса, дислоцированного в Бессарабии, на самом южном участке фронта. Здесь он был вдалеке от очагов революции, хотя ее волны, безусловно, докатывались и сюда. Между тем хаос в стране и в армии нарастал. Летнее наступление провалилось. То же самое случилось и с Корниловским мятежом, на который Маннергейм, судя по всему, возлагал немалые надежды. 5 сентября 1917 года генерал-лейтенант неудачно упал с лошади, повредив ногу, и под этим предлогом отправил прошение о зачислении в резерв. Проступок был удовлетворен. Служба в Российской армии для Маннергейма фактически закончилась.

«Ситуация в войсках ухудшалась с каждым днем, и это лишь укрепляло мое решение покинуть русскую армию. Но ведь нужно было придумать какую-то причину! Помог случай. Однажды во время лихой скачки мой горячий жеребец споткнулся и упал. При падении я повредил ногу, однако мне удалось вновь сесть в седло и доехать до штаба. Врач армейского корпуса подтвердил, что вывих очень серьезный. Мне следовало провести в постели как минимум два месяца. Ночью меня осенило, что этот счастливый случай предоставил мне редкую возможность. Я попросил отправить меня в Одессу. Там я найду повод для поездки в Петроград, а из Петрограда как-нибудь доберусь и до Финляндии. Направление было выписано. На следующее утро я с грустью попрощался с наиболее близкими мне людьми и поблагодарил их за службу».

Так писал Маннергейм в своих мемуарах. Любопытно, что решение покинуть и Российскую армию, и саму Россию созрело у него еще до «большевистского переворота». По сути, страна в тот момент представляла собой буржуазную республику, и ненависть к «красным» никак не могла служить поводом для отъезда.

Поэтому говорить, что именно «большевистский переворот» вынудил будущего маршала покинуть страну, не приходится. Он принял решение уехать из России, когда та еще не была Советской. Более того, были веские основания полагать, что со временем ситуация войдет в нормальную колею. Однако проблема для Маннергейма заключалась в том, что его положение в обществе гарантировалось системой, которая рухнула в феврале. В императорской России он

был частью узкого слоя правящей элиты. Самые большие тяготы, которые выпадали на его долю в мирное время, – стоять в почетном карауле в узких лосинах. Будет ли жизнь в республике столь же беззаботной? Маннергейм явно не хотел это проверять.

Некоторое время он провел в одной из фешенебельных одесских гостиниц, давая ноге возможность восстановиться и одновременно зорко наблюдая за ситуацией. Когда он уже был готов пуститься в путь, до его сведения дошли новости о том, что в столице произошла новая революция. Власть взяли большевики. Это были плохие новости. Тем не менее, чтобы добраться до «родового гнезда», нужно было проехать через город на Неве.

Наполненный трудностями и опасностями путь через всю Россию в Петроград и оттуда в Финляндию многократно описан в литературе, и останавливаться на нем подробно я не буду, тем более что к основным нашим вопросам он прямого отношения не имеет. В столицу Маннергейм прибыл 11 декабря и провел здесь почти неделю. В своих мемуарах он вспоминал:

«Я (...) встретился со многими старыми друзьями. Было совершенно очевидно, что все они в ужасно подавленном состоянии. Людьюми владел страх, и они не проявляли никакого стремления к борьбе против нового режима. Как-то раз, обедая в „Новом клубе“, который был основан высокопоставленными членами Охотничьего общества, я оказался между двумя великими князьями. В это время пришло известие, что большевики провели обыск в Охотничьем обществе и арестовали несколько его членов, среди которых был мой товарищ – кавалергард Арсений Карагеоргиевич, брат короля Сербии. Этот инцидент вызвал горячие споры о вооруженном сопротивлении. Я сказал, что сопротивление необходимо и хорошо бы, если бы во главе движения стал кто-либо из великих князей. Лучшие погибнуть с мечом в руке, чем получить пулю в спину или быть расстрелянным. Мои соседи по столу придерживались другого мнения и считали борьбу против большевиков безнадежным делом. Я был глубоко разочарован тем, что в столице и Одессе общественное мнение оказалось единым».

Возможно, великие князья несколько скептически восприняли призывы погибнуть с мечом в руке со стороны человека, который при первых признаках опасности сорвал с себя шпоры и переоделся в штатское. В любом случае Маннергейм не проявил особого рвения в стремлении «спасти Россию». Очевидно, он справедливо полагал, что этим должны заниматься в первую очередь сами русские. Он написал рапорт об отставке, без всякого удовольствия поглядел на то, что считал «большевистским беспределом», и 18 декабря прибыл в Хельсинки.

Получив здесь все необходимые документы, он уже в качестве финского гражданина вернулся в Петроград в последних числах декабря. У Маннергейма была надежда на то, что большевики смогут удерживать власть не дольше нескольких недель и их удастся сравнительно легко свергнуть. Однако встречи с представителями старой элиты снова не принесли никакого результата, и 30 декабря 1917 года генерал-лейтенант покинул Россию, на сей раз уже навсегда.

Давайте на минутку остановимся и оценим все произошедшее. Осенью 1917 года перед Маннергеймом встал выбор: продолжать служить России так, как он считал нужным, – или искать счастья в другом месте. Как известно, он без долгих колебаний сделал выбор в пользу второго варианта. Маннергейм принял решение покинуть Россию не тогда, когда это сделали лидеры Белого движения – в 1920 году, на фоне полной победы большевиков. Он уехал в Финляндию, провозгласившую свою независимость 4 декабря 1917 года, в те дни, когда многие обоснованно полагали, что Ленин с товарищами не продержится у власти и нескольких месяцев. Когда еще не началось свои заседания Учредительное собрание, но было известно, что у большевиков в нем нет большинства. Когда многие его сослуживцы готовились отстаивать единую и неделимую Россию от любого врага.

Маннергейм уехал. Он не хотел иметь дело со слабой, охваченной хаосом страной. Россия разочаровала его. Говоря модным сегодня языком, утратила его доверие. Причем внезапно вспыхнувшей любовью к «малой родине» решение бывшего кавалергарда объяснить нельзя.

В царские времена он свысока смотрел на «чухонцев» и даже разговаривал по-фински с чудовищным акцентом. Заподозрить его в пламенном финском патриотизме было до 1918 года поистине невозможно.

И вот мы приходим к неприятному для апологетов Маннергейма выводу: он готов был служить России только до тех пор, пока она была могучей державой, в которой сам он занимал привилегированное положение. Пока он мог носить красивый мундир, жить в хорошем доме, проигрывать состояние за карточным столом, ухаживать за светскими львицами, танцевать на балах и отдыхать в «цивилизованной» Европе, на французских и германских курортах. Пока для него были «и вальсы Шуберта, и хруст французской булки». Когда с французской булкой начались проблемы, привязанность Маннергейма к России растаяла, как снег под майским солнцем.

Повернется ли у кого-нибудь язык при таких условиях назвать его патриотом? Думаю, что нет. Человек, который служит стране только в обмен на материальные блага и покидает ее, как только она оказывается не в состоянии предоставить ему желаемое, называется совершенно иначе. А именно – наемником.

Хочу сразу сказать: в данном случае я употребляю слово «наемник» без всякого негативного оттенка. Честные, добропорядочные иностранные наемники служили в России еще при московских царях, их активно привлекал на службу Петр Великий и его преемники. Многие из них немало сделали для нашей страны. Некоторые заслужили в том числе и мемориальную доску. Однако для этого нужно было все-таки совершить нечто выдающееся. Маннергейм же служил честно, но ничего экстраординарного, как мы уже выяснили, не совершил.

И самое главное – знаменитые иностранцы, прославившиеся на русской службе, впоследствии никогда не воевали против России. А как с этим обстоит дело у Маннергейма? И здесь мы открываем страницы его биографии, которые многие российские поклонники маршала хотели бы спрятать подальше от глаз заинтересованной публики.

«Революция оборвала его военную карьеру, лишила заслуженной ратными трудами пенсии и почетного положения в русском высшем обществе. Он стал врагом большевизма, но не русских людей» – так писал один из российских биографов маршала. Именно этот тезис – *«враг большевизма, но не русских людей»* – любят повторять апологеты Маннергейма. Давайте же посмотрим, как генерал-лейтенант русской армии, прибывший в Финляндию, относился в дальнейшем к русским людям.

Начнем с того, что Финляндия сразу же после провозглашения независимости была охвачена гражданской войной – точно так же, как и Россия. Финские «красные» стремились опереться на поддержку большевиков в Петрограде. Те, в свою очередь, оказались в сложном положении. С одной стороны, трудно было отказаться от искушения поддержать идейных соратников. С другой в обстановке поднимавшего голову Белого движения в самой России правильнее всего было бы не вмешиваться в происходившее в Финляндии и не наживать себе новых врагов. Собственно, советская политика в первой половине 1918 года представляла собой лавирование между двумя этими позициями.

Маннергейм, прибыв в Хельсинки, сразу же развернул бурную деятельность. Он собирался сыграть значимую роль в становлении молодого Финского государства. Поскольку больших симпатий к Финляндии за ним раньше не наблюдалось, объяснить это следует в первую очередь его личным честолюбием. Уже в середине января премьер-министр Пер Эвинд Свинхувуд назначил его главнокомандующим Вооруженными силами Финляндии. Маннергейму были даны широкие полномочия, и он, отправившись на север страны, приступил к формированию соединений, которые должны были дать отпор «красным». В первую очередь он разоружил остававшиеся на севере страны русские гарнизоны. За созданием вооруженных формирований (шюцкора) последовало несколько месяцев ожесточенных боев. Решающую роль, по мнению ряда историков, сыграли в конечном счете поставки оружия из Германии и прибытие

немецких подразделений. Маннергейм был против сотрудничества с немцами, считая, что тем самым Финское государство скомпрометирует себя в глазах англичан и французов. Однако в реальной ситуации весны 1918 года ему не оставалось ничего иного, кроме как скрепя сердце принять немецкую помощь.

6 апреля части шюцкора захватили важный опорный пункт «красных» – Тампере, а 12 апреля немецкие части вошли в Хельсинки. Маннергейм лелеял надежду быстрым ударом захватить корабли Балтийского флота, стоявшие на рейде финской столицы. Однако командование своевременно увело флот в Кронштадт.

В конце апреля подчиненные Маннергейму подразделения пошли на штурм Выборга – последнего оплота «красных» на территории Финляндии. 29 апреля город был взят. То, что произошло дальше, стало одной из самых черных страниц гражданской войны в Финляндии – взявшие город «белые» устроили настоящую расправу не только над своими противниками, но и над мирными русскими жителями города, в том числе приветствовавшими их как освободителей. По подсчетам финского историка Ларса Вестерлунда, в общей сложности погибло около 400 русских жителей обоего пола – от подростков до стариков. Важно при этом отметить, что Выборг удалось взять практически без сопротивления и серьезных потерь, поэтому изображать действия финских егерей как реакцию на гибель товарищей было бы грубой ошибкой.

«Напротив нас жил русский торговец с женой и детьми. Как и многие буржуа, они радовались освобождению, но уже в первый день празднеств из казарм группами потекли мужчины. Вооруженные белогвардейцы явились к русскому и приказали идти с ними. Жена была безутешна. Ее страхи оправдались – тело мужчины принесли к дому на носилках. Его застрелили пьяные солдаты из Похъянмаа, которые ненавидели всех русских», – типичное описание происходившего, оставленное одним из свидетелей с финской стороны. Русских расстреливали как поодиночке, так и группами. *«Первая картина, которая возникла перед нашими глазами на следующее утро, когда мы шли из наших, расположенных на Нейтсютниemi квартир к Абоскому мосту, – это большие груды трупов в углах нескольких рвов, – писал впоследствии другой очевидец. – Мы рассмотрели тела поближе. Там были люди разных приходов, бродяги и хорошо одетые джентльмены, русские гражданские лица и солдаты, женщины из батальона смерти и жены финнов и русских. Местами тела были свалены в груды, местами сложены в один ряд. Позы были самые разные. Кто лежал на спине, раскинув руки и ноги, кто на животе. Одни лежали на боку, обняв соседа, у других были видны только ноги, у третьих головы. Повсюду была кровь и покалеченные части тел. У многих была проломлена голова, у некоторых и другие части тела. Одни странно скрючились в предсмертной агонии, других смерть настигла внезапно».*

Командир выборгского шюцкора Микко Турунен рассказывал: *«Их расстреливали между рвами, где была уже часть расстрелянных, и часть как раз в эту минуту расстреливаемых русских, около нескольких сотен. Расстрел производило примерно сто финляндских солдат, среди которых были и офицеры. Согласно наблюдениям рассказчика, получилось так, что сначала стреляли перекрестным огнем из винтовок, затем палачи спустились вниз в ров и добились одного за другим оставшихся в живых пленных».* Другой участник расстрелов вспоминал: *«Пленных расставили во рву так, чтобы они образовали прямой угол. Охранявшим приказали выстроиться в цепочку перед пленными и стрелять. Первыми начали стрелять солдаты, находившиеся в начале процессии, затем все остальные, в том числе и рассказчик (...). Почти сразу, как только начали стрелять, большая часть заключенных упала на землю. Несмотря на это, стрельба продолжалась еще примерно пять минут. На валах были военные, егеря (...). Через некоторое время человек в немецкой егерской униформе приказал поднять винтовки, и огонь прекратился, после чего мужчины подошли ближе к убитым. Затем сначала двое, один из которых был в немецкой егерской форме, начали из револьвера стрелять в головы раненых, но еще живых людей. Постепенно к ним присоединились и другие».*

Один из финских красноармейцев вспоминал: *«Мы пришли во двор выборгской центральной казармы, которая являлась одним из пунктов в шествии заключенных. Во дворе нас было по меньшей мере тысяча мужчин. Нам приказали выстроиться в ряды так, чтобы между ними можно было ходить, и после этого начался первый допрос. Между рядами с кровожадным видом сразу начали ходить егеря или кто они там были. В руках у них были большие маузеры, и они покрикивали строгим голосом, чтобы русские вышли вперед. Русских не помиловали и расстреляли сразу без следствия. Среди арестованных было несколько одетых в русскую форму и те, в ком белогвардейцы сомневались. Они начали задавать какие-то вопросы. Вот тогда все и выяснилось, так как русские никогда не научатся понятно говорить по-фински. Из них набрали группу русских, может несколько десятков, которых отвели на задний двор, откуда вскоре донеслись выстрелы из винтовок».* Другой арестованный впоследствии рассказывал: *«Когда передняя часть колонны приблизилась к концу Екатерининской улицы, нас остановили (...). Простояв там некоторое время, мы увидели, как из города идет шествие из сотен людей. Казалось, будто во главе шествия шел русский священник, рядом с ним остальные священнослужители. Затем следовали разные люди в военной и гражданской форме. Нашу цепь разорвали и шествие направили к территории между валами старой крепости. Прошло немного времени, и оттуда донесся грохот выстрелов. Мы поняли, что произошло».*

Самым молодым из убитых был 12-летний Сергей Богданов, а в общей сложности в числе жертв оказалось более 20 подростков. Естественно, большинство из них не имели никакого отношения к «красным». Для финских егерей достаточным поводом являлось то, что их жертвы были русскими. «Пусть русские умрут!» – по свидетельству Вестерлунда, так звучал неофициальный девиз одного из финских подразделений.

Что же в эти дни делал Маннергейм, который, по мнению его доморожденных апологетов, до конца жизни продолжал тепло относиться к русским и России? В период штурма Выборга он находился в непосредственной близости от города и контролировал ход операции. Уже 30 апреля главнокомандующий оказался в Выборге и, по некоторым данным, наблюдал не только последствия расстрелов, но и их завершающую фазу. В любом случае 2 мая он получил от одного из своих офицеров телеграмму следующего содержания: *«В первый день после взятия Выборга расстреляли примерно 200 русских, среди которых было много невиновных, как, например, находящиеся в Выборге офицеры, помогавшие белой гвардии. Причиной этого было то, что солдаты проводили расстрелы без контроля руководства. Предлагаю провести специальное расследование».*

Реакция Маннергейма оказалась двоякой. С одной стороны, он приказал вывести из города все подразделения, необходимости в которых не было, и восстановить порядок. С другой – сразу же взял курс на то, чтобы замять дело. Эту задачу ему осложнял тот факт, что расправы в Выборге стали сразу же известны и русским, и финским газетам. В этой ситуации Маннергейм должен был, как говорят в наши дни, принять меры для ограничения ущерба репутации финской армии. 3 мая он распорядился прекратить расправы, а 12 мая выпустил официальное сообщение, гласившее: *«Пресса, особенно русская, распространяет слухи о том, что, в связи со взятием города, в Выборге убивали невинных людей. Вследствие этих слухов сообщая, что в некоторых случаях жертвами стали не участвовавшие в сражениях лица и те, которые во время уличных боев, несмотря на явную опасность, находились вне дома. В связи с этими случаями начато серьезное расследование, в ходе которого выяснится, было ли в пылу боя излишне применено насилие. Если это окажется правдой, виновных накажут».* Маннергейм прекрасно знал, что «излишнее насилие» имело место, причем далеко не «в пылу боя». Как и следовало ожидать, начатое расследование не было доведено до конца. Какие-то убитые русские никого в те дни не интересовали, в том числе и финского главнокомандующего.

После того как гражданская война завершилась победой «белых», финское правительство решило вновь взять ситуацию под контроль. 30 мая Маннергейм, как мавр, сделавший свое дело, отправился в отставку. Уехав в Стокгольм, он пристально наблюдал за происходившим в Финляндии.

Расчет Маннергейма оказался верным. Финское правительство сделало ставку на сотрудничество с немцами и даже пригласило на престол немецкого принца. Однако, когда осенью 1918 года Германская империя потерпела поражение, эта карта оказалась бита. Нужно было как-то налаживать отношения с новыми властителями Европы – англичанами и французами. И для этого Маннергейм, изначально выступавший против ориентации на Германию, подходил как нельзя лучше. Его час снова пробил.

Уже в октябре Маннергейм по просьбе финского правительства отправился в Англию, где провел переговоры о сотрудничестве. Мгновенного успеха добиться не удалось, однако первый шаг был сделан. Англичане и французы колебались: в России шла Гражданская война, итог которой был неизвестен. И Лондон, и Париж в этой борьбе поддерживали «белых», которые были сторонниками сохранения территориальной целостности России. Санкционировать финский сепаратизм в этой ситуации представлялось англичанам и французам не вполне логичным.

А мы снова отметим: Маннергейм в очередной раз сделал выбор не в пользу реставрации Российской империи, а в пользу независимой Финляндии. Он был крайне недоволен активностью своих бывших соратников по балам и светским приемам: *«В Париже было легко удостовериться, что зерна антифинляндской пропаганды, проводимой русскими эмигрантами, упали во Франции на благодатную почву. Эти эмигранты считали себя жертвами войны и революции, во французах видели своих военных союзников, у них по-прежнему были связи с газетами, через которые они вели кампанию против Финляндии (...) Русский комитет, созданный для соблюдения интересов царской России в Париже, зашел так далеко, что в 1919 году представил мирной конференции памятную записку. Там было сказано, что „Россия никогда не откажется от права на создание политической и юридической основы отношений между Россией и Финляндией»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.